

ЧЕКИСТ

П. Ларин П. Барчук

Павел Барчук
Павел Ларин
Чекист
Серия «Игры Разума
(Барчук, Ларин)», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70357693

Аннотация

Я был успешным адвокатом. Ни одного проигранного дела. Связи, деньги, успех.

Но Судьба закинула меня в 1972 год, в тело сотрудника особого отдела. Теперь нет ничего. Кроме секретных разработок, пропавшего инженера, парочки убийств, исчезнувших чертежей и странной девицы с мутным прошлым. А еще... Мне кажется, я не совсем тот, за кого меня принимают.

Содержание

Глава 1. В которой чужие воспоминания продолжаются, но я фигурирую в них	4
Глава 2. В которой я понимаю, если рядом находится умная женщина, жди проблем	16
Глава 3. В которой я прихожу к выводу, что быть однолюбом вовсе не так уж плохо	29
Глава 4. В которой становится понятно, что горячие боевые действия перешли в стадию «холодной войны»	42
Глава 5. В которой я мог бы предположить, что Комарова продолжает врать, но это мне пока не известно	56
Глава 6. В которой кто-то кается, а кто-то опять крутит хвостом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Павел Барчук, Павел Ларин

Чекист

Глава 1. В которой чужие воспоминания продолжаются, но я фигурирую в них

Глядя на закрывшуюся за мужчиной дверь, Саша громко и отчетливо вслух нецензурно выругалась. Словами, которые приличной девушке точно не пристало говорить. Потому что других у нее не имелось. Вспомнил. Сволочь. Но как?

Во-первых, она не собиралась его убивать. Чтобы этот товарищ там себе не возомнил. Это вышло случайно. Кто же знал, что у Максима Сергеевича, чтоб ему пусто было, имеются какие-то проблемы с сердцем. Он, может и сам не знал. Хорошо. Такое тоже допустимо. Просто иначе, как бы оставался на этой работе.

Вообще, она заметила, что ее снова нашли, почти сразу. В этот раз ощущение чужого присутствия накатывало волнами. То есть, то нет. Поначалу был порыв – поступить, как обычно. Но потом... Она вспомнила, чем ее спешка закончилась в прошлый раз. Мертвый неизвестный мужик, без документов, что вполне логично. Мертвый, по ее вине. Прежде,

чем оттащить тело в лесополосу, а потом бросить его в реку, Саша обыскала каждую часть его одежды. Не нашла ни черта. Какими были его цели, теперь непонятно. Успокаивала себя тем, что хорошие люди по ночам тайком в дом не залезают и на людей не кидаются. В любом случае, неожиданный гость не был сотрудником Комитета. Это однозначно. Не сошли же они там с ума, чтоб таким нетривиальным образом приглашать на беседу. Ну, либо беседа им оказалась не нужна. Что маловероятно. Они не стали бы лишать себя ценной информации.

Поэтому Саша решила, не торопиться. Она ждала, пытаюсь понять, кто на этот раз. Вообще, за эти годы девушка пришла к выводу, что вот так бегать по стране, вздрагивая от всего подряд, это не жизнь. Это просто какая-то адская карусель. Она подумала, может стоит все же пойти на контакт. Самой. Смог ведь дед когда-то договориться. Вдруг и у нее получится. Да и потом, уже поторопилась один раз. Теперь по ночам снится этот мертвый мужик.

А потом девушка заметила интересный момент. Проверяющий из Москвы. Он в их отделе не появлялся. С Сашей никак не пересекался. Она вообще узнала о нем случайно. От Маслова. Лев Иванович после той истории, которая случилась с его супругой, страдал определенной манией преследования. Хотя, об этом никто не знал. Только Саша. Она с ним общалась достаточно близко. Правда, это общение они тоже не афишировали.

Именно Маслов помог девушке устроиться на завод. С помощью Калинина, который на тот момент начальником первого отдела еще не был. Даже при отличном списке учебных заведений, ее вряд ли взяли бы сразу на это место. Как и о чем Лев Иванович договаривался с Калининым, девушка не знала. Ее это, если честно, не особо волновало.

Она представилась инженеру дальней родственницей почившего Ершова. Рассказала трогательную историю о своем сиротстве. Мол с дедушкой Витей они очень дальняя родня. Взять опеку он не мог. По вполне понятным причинам. Но в ее судьбе некоторое участие принимал. Маслов, как и многие люди, страдающие гениальностью, был так далек от реальной жизни, что в эту версию поверил безоговорочно. А себя он считал Виктору Николаевичу обязанным. Поэтому сделал все, чтоб девушку взяли на работу.

Так вот, внимание Саши на Беляева обратил именно Лев Иванович. Поделился тем, что этот особист кажется ему странным. Мол, нет нужды так часто появляться на заводе, а он ездит, и ездит. Ездит, и ездит. Вообще Маслов говорил о своем, считая, будто особист задумал нечто плохое, но получилось, что в итоге, подсказал Саше.

Она постаралась в один из приездов Максима Сергеевича «случайно» оказаться рядом. Хотела оценить этого человека со стороны. Ну, да. Ей он тоже показался подозрительным. А еще в его присутствии у Саши ощущение приближающейся опасности стало гораздо острее. Хотя, виделись они

мельком. Девушка буквально просто прошла мимо. Потом она узнала у Маслова, когда еще данный человек бывал на заводе. Конкретно. Даты, конечно, Маслов назвать не смог, кто бы сомневался. Но вот месяца с трудом вспомнил. Саша сопоставила со своими ощущениями. Удивительно, но сроки совпадали.

Мало того, после мимолетной встречи, зная, как выглядит этот человек, Саша вдруг несколько раз заметила его там, где он быть не должен. Рядом с собой, вне территории завода. Хотя, совпадение все же исключать нельзя. Так она думала. Мало ли, что ей кажется. Образ невинно убиенного ночного гостя упорно теперь маячил на горизонте. Впрочем, конечно, не невинно, но все же.

Саша решилась на конкретный шаг. Она достала из узелка те самые пузырьки. Прав был дед. Вот они и пригодились. Ей нужна была «болталка». Виктор Николаевич утверждал, будто этот препарат, сделанный на основе каких-то там кактусов, в этот момент Саша жалела, что не уделила должного внимания химии, являлся определенным способом развязать человеку язык. Вроде бы, «болталкой» пользовались те самые сотрудники государственной безопасности, встречи с которыми она сильно хотела избежать.

По идее, план был неплох. Она ждет приезда Беляева, сама знакомится с ним под любым предлогом, а потом устраивает доверительную беседу.

В теории все казалось очень даже простым. На практике

оказалось крошечным адом.

Саша пошла в тот день в театр, дабы купить билеты на предстоящую премьеру. Играла их местная труппа, но театр девушка любила, поэтому периодически посещала. К тому же, этим утром не явился на работу Маслов. К обеду стало понятно, что произошло нечто гораздо более серьезное. Пропал не только инженер, но и некоторые чертежи их нового проекта.

Саша занервничала. По идее, с ней связи никакой. Но теперь можно ждать проблем. Хотя бы потому, что копать в этой истории станут не только свои. Если Маслов не объявится, то вполне возможно задействуют и Комитет. А тут, добрый вечер, вот вам гражданка Комарова. С этими товарищами дело иметь это не одно и то же, что Калинин у про свою несчастную сиротскую жизнь рассказывать. И даже если она ошиблась насчет Беляева, то волей случая, рядом с ней могут оказаться те, от кого она так усердно бежит. Поэтому в театр она решила пойти не только ради премьеры, но и, так сказать, развеяться, успокоить нервы.

В холле, возле кассы, совершенно случайно Саша стала свидетелем интересной сцены. Сама сцена сто лет бы ей не нужна. А вот ее участники – очень даже. Вернее, один участник. Смазливая блондинка никак не хотела принимать от мужчины цветы. Они стояли в стороне, можно сказать, в дальнем углу. И Саша никогда бы не обратила на них внимания. Если бы мужчиной не оказался тот самый Беляев. Это

было очень неожиданно. На заводе о его появлении не было слышно ни слова.

Саша бочком постаралась подкрасться ближе. Но при этом надо было еще не привлечь внимания. К счастью, народу в фойе было предостаточно. Конечно, премьеры местной труппы не пользуются такой популярностью, как гастрологи столичных театров, однако, все равно желающих посетить спектакль оказалось много.

– Максим, розы?! Серьезно? Ты издеваешься?! Ненавижу эти цветы.

Блондинка капризно дула губы и всячески демонстрировала недовольство. Беляев протягивал ей большой букет темно-бордовых роз, а красавица явно не желала их принимать.

– Лиличка, милая, я спешил. Но явиться с пустыми руками совсем не камильфо. Просто забыл о твоей привередливости. Это ведь всего лишь знак внимания. Не более. Перестань так вести себя.

– Максим! Ты даже не купил их! Я вижу. Это – дачные розы. Ты банально срезал их у кого-то на приусадебном участке. Ты настолько не ценишь меня?

Беляев принялся что-то втолковывать блондинке, а Саше пришлось отойти в сторону. Людей между ней и парочкой, которая выясняла отношения, стало меньше. На нее могли обратить внимание. А там и узнать, чего доброго. По крайней мере, Максим Сергеевич. Тем более, если он действи-

тельно является тем, кем его представляла себе Саша.

Единственное, что она успела услышать, это то, что Беляев уверял капризную особу, будто он очень соскучился и хотел бы видеть ее сегодня в гостинице «Восток» в таком-то номере. Капризная особа заявила, после такого ужасного повеления он может сам к себе приходит в номер и делать сам с собой все, что хочет. А она, на минуточку, актриса. Она, между прочим, достойна большего. И за ней, просто для понимания, ухаживал сам какой-то там режиссер. Подробности личной жизни блондинки для Саши были неважны. Радовало то, что она узнала, где собирается остановиться Беляев. А то, что до сих пор еще не обозначился на заводе, так это наверное из-за каких-то своих целей. Либо о пропаже Маслова пока не знает. Может, явился планово, но заранее, из-за этой самой блондинки. Мододой мужчина. Наверное, неженат. Понять можно. Вот сюрприз будет, когда ему сообщат. Насколько Саша поняла, Калинин, недавно ставший новым начальником первого отдела, в Москву еще не отчитывался.

В любом случае, все выходило просто отлично.

Саша вышла на улицу, повернула за угол и принялась ждать. Как только Максим Сергеевич появился на улице, слава богу, один, девушка быстрым шагом направилась к нему.

– Здравствуйте. Вы меня не знаете, но я работаю на заводе. У меня имеется для Вас очень важная информация. У нас произошло чрезвычайное происшествие. Не знаю, в курсе ли

Вы. Но в любом случае, у меня найдется, что вам рассказать. Приду вечером к вам в гостиницу. В районе восьми вечера. Только... если можно, хотелось бы остаться незамеченной. Сами понимаете. Гостиница ведомственная. Все друг друга знают. Могут пойти разговоры. Дойдет до коллег...

Не дожидаясь его ответа, Саша развернулась и бегом бросилась через дорогу к троллейбусной остановке, которая от драматического театра, как раз, находилась в двух шагах. Прыгнула в подошедший транспорт и только тогда перевела дух. Пробралась к заднему окну. Максим Сергеевич стоял на том же месте с таким видом, будто ему пару минут назад сообщили, что земля плоская. А законы физики – вообще полная чушь. Он смотрел вслед отъезжающему троллейбусу с совершенно ошалевшим лицом.

Саша добралась домой, достала свой узелок. К сожалению, рядом с заводом не было возможности поселиться в частном доме. Хотя, как показала жизнь, это более подходящий вариант. Поэтому на данный момент обитала Саша в заводском общежитии. И ей, между прочим, должны были скоро дать жилплощадь от государства. Нужный пузырек был вынут и определен в карман. До назначенного времени оставалось меньше часа, учитывая, что в театр за билетами девушка ездила после работы.

Саша вышла на улицу и пешком отправилась к гостинице. Ей нужно было всего лишь пересечь парк, чтоб оказаться на нужном месте. Ровно без десяти минут девять, она уже сто-

яла возле «Востока». Окна на первом этаже находились достаточно высоко. Но если встать на вторую снизу ступеньку, то можно рассмотреть, что там происходит. Главное, чтоб сейчас никого не понесло заходить или выходить. А то Саша, как бельмо на глазу, маячит на порошках, вытягивая шею, чтоб лучше рассмотреть, что происходит внутри.

Как раз в это же время в холле появился Максим Сергеевич. Судя по всему, только заселился. Вместе с женщиной, которая оформляла его документы, они что-то активно начали обсуждать. Слышать, естественно, их разговор Саша не могла. Потом Беляев наклонился совсем близко к даме. Он что-то начал говорить сотруднице гостиницы прямо в ухо. Неприлично близко наклонился. Женщина явно засмушалась. Однако, махнула рукой особисту, приглашая его пройти следом за ней.

Как только парочка исчезла за дверью, которая вела к служебным помещениям, Саша шустро рванула вперед. Заскочила внутрь, максимально тихо прикрыв за собой дверь. А потом, так же, на цыпочках рванула к лестнице.

Дверь в номер тоже оказалась предусмотрительно открыта. Выходит, он ее ждал.

Максим Сергеевич появился через пять минут с электрической плиткой в руках. Так вот на что он соблазнил тетку. На преступление против правил. А Саша уж совсем о плохом подумала. Мало ли, на что готов человек ради своей цели.

Беседа у них состоялась. Как девушка и планировала.

Правда, почти час ей пришлось нести полную чашу. О мировом заговоре империализма и о том, что на заводе прячутся враги. Кстати, об исчезновении Маслова она рассказала. Все равно Беляев либо узнает завтра, либо уже знает. Просто он был крайне молчалив и в большей мере слушал, что за чашу несет ему Саша. Но слушал внимательно. Не сводя взгляд с ее лица. А она тянула время. Особист – крепкий мужчина. Значит, ориентироваться надо минут на шестьдесят от того момента, как он выпил воды из графина. И кстати, заставить его выпить эту воду было не так уж просто. Саша сказала Максиму Сергеевичу, что во рту у нее пересохло и попросила попить. Он налил воды в стакан, но когда протянул, девушка вроде взяла его, повертела, но потом в сильном волнении отставила в сторону. Дальше последовал рассказ, в процессе которого Саша постоянно облизывала губы, имитируя ту самую жажду, о которой говорит. Дед учил, если хочешь спровоцировать человека на нужный поступок, например тебе надо, чтоб он выпил жидкость, убеди его в том, что ему очень хочется пить. Для этого достаточно себя вести так, будто очень сильно хочешь пить ты. Удивительно, но сработало. Не прошло и десяти минут, как Максим Сергеевич сам не заметив этого, схватил стакан и выпил воду.

Кто же знал, что ему в итоге станет плохо. А ему действительно стало плохо. Когда Саша выбиралась из номера, выглядел он мертвее мертвого. Потому что сложно оценивать человека живым, если у него отсутствует дыхание и остано-

вилось сердце.

А потом это появление в отделе. Честно говоря, в первые секунды Саша сама чуть богу душу не отдала. Она смотрела на стоящего рядом с Мальцевым Беляева и думала, это что? Кара? Наказание? Или просто внезапное сумасшествие? Он точно был мертв. Саша проверила раз десять. До последнего пыталась помочь. Даже всплакнула, когда пришла домой. Ей, между прочим, больших сил стоило выбраться из гостиницы опять незамеченной. Вспомнишь, вздрогнешь. Но теперь Максим Сергеевич стоял неподалеку совершенно живой. А Саша полночи прорыдала в подушку. Не потому что ей было очень жаль Беляева. Наоборот. Потому что она поняла, как раз, совсем не жаль. И от этого чувствовала себя чудовищем.

Потом Максим Сергеевич повернулся и посмотрел прямо на Сашу. В его глазах вдруг вспыхнуло раздражение, почти ненависть. Саша вообще ждала, что после этого он ткнет в нее пальцем и назовет убийцей. Но ни черта подобного не произошло. Беляев, как ни в чем не бывало отвернулся. Девушка просто была в шоке. Появилась мысль, вдруг дедовы снадобья испортились со временем. Может ведь такое быть. Вдруг, ему стало плохо, но на время. А побочный эффект – это провалы в памяти. Просто, как еще объяснить такое поведение и вообще наличие самого Максима Сергеевича. Дальнейшее их общение показало, он действительно ее не помнит. Не совсем же особист идиот, чтоб изображать собственно беспамятство. В этом не ни малейшего смысла. Как

бы то ни было, даже если Беляев и получил кратковременную амнезию, то сейчас она очевидно закончилась.

Саша медленно опустилась на кровать гостиничного номера. Что делать именно сейчас, она не знала. Действительно не знала. Бежать? Да ей никто теперь этого не даст сделать. В любом случае, нужно попасть в комнату. Забрать узелок. Без него вообще нет смысла дергаться. И еще она не могла понять Беляева. Его поведения. Он говорит о своей возможной смерти чуть ли не в шутку. С насмешкой.

Внезапно дверь медленно начала открываться. Саша напрыглась. Он что, уже вернулся? Однако, в образовавшуюся щель неожиданно просунулась длинная, и, надо признать, весьма даже стройная, женская ножка, обладательница которой, повела коленочку сначала вверх, а затем вниз. Саша сидела молча, не издавая звуков и пока не очень понимая, как реагировать на происходящее. Далее появилось крутое женское бедро, обтянутое трикотажным платьем, а затем и сама обладательница всех прелестей. В этот момент, увидев всю гостью целиком, Саша впервые безумно захотела, чтоб Беляев был где-то рядом, потому как беды не миновать.

– Ты? Ты?! – Женский голос сочился ненавистью.

В дверях застыла та самая блондинка, каждая встреча с которой, мягко говоря, у Саши не очень складывалась. Лиличка. Актриса из театра.

– Я, – послушно согласилась девушка, совершенно не представляя, что еще можно сказать в данной ситуации.

Глава 2. В которой я понимаю, если рядом находится умная женщина, жди проблем

Я оставил Александру Сергеевну наедине с ее мыслями, и бегом спустился вниз. Очень надеюсь, эти мысли, наконец, пойдут у нее в правильном направлении. Ужасно, конечно, было интересно посмотреть, какое сейчас у девицы лицо. Думаю, сильно удивлённое. Но не заглядывать же обратно в номер. Так весь эффект испорчу.

Калинин ждал меня в машине. При этом он продолжал всячески демонстрировать кровную обиду. Соответственно, до завода мы ехали в гробовой тишине, которую нарушало лишь его сопение. И слава богу. Мне нужно было подумать. Причем, очень хорошо подумать.

Чертова память Максима Сергеевича ведет себя, словно девица легкого поведения с внезапными приступами моральных терзаний, которым вообще не место. То «дам», то «не дам». Так и здесь. То молчит, хотя я всячески стараюсь выудить из ее глубин информацию, то внезапно вываливает целый пласт сведений. Крайне неожиданных сведений, надо признать. Просто офигеть, насколько неожиданных. Да я и офигел, если честно.

Пока мы ехали к гостинице, веером вдруг прилетели кар-

тинки. Яркие. Александра Сергеевна сидела напротив меня в номере и впаривала какую-то удивительную, несусветную хрень. Причем, Максим Сергеевич не особо вслушивался в слова Комаровой. Данную гражданку видел, естественно, его глазами. И еще понимал, происходит беседа вечером, перед тем, как я на следующий день проснулся в номере. Потому что на вешалке небрежно висела форма. Ровно так, как впервые и увидел.

Максим Сергеевич честно пытался сообразить, что происходит. Какого черта девица, за которой прежде приходилось бегать, теперь сама явилась к нему. Момент, как Комарова оказалась в номере, память, удивительно непостоянная стервь, решила не показывать. Я задолбался напрягаться. Ничего. Ноль. Сразу возникает в мыслях сцена, в которой Александра Сергеевна уже сидит рядом и несет чушь про каких-то неведомых врагов, прячущихся среди сотрудников завода.

Максим Сергеевич понял, в чем дело, только когда осознал, что становится тяжело дышать. Свое состояние, в принципе, оценил верно. Жаль, что поздно. Сильная, сдавливающая боль за грудиной; нарастающее чувство беспокойства и страха; боли в руках и челюсти; нарушение ритма сердца; затрудненное дыхание, слабость, тошнота. Здравствуй, инфаркт.

Ох, и Максим Сергеевич... А ведь полковник его предупреждал. Говорил. Не расслабляйся. Девке не верь. Она

строит из себя совсем не того человека, которым является. Нет, купился, как последний лох. По крайней мере, теперь понятно, с хрена ли я в нем очутился. Вернее, не прям до конца понятно. Этого все равно не могу адекватно оценить. Нет даже приблизительных версий в голове, как такое возможно. Но очевидно, останься Максим Сергеевич жив, вряд ли у нас бы с ним образовалась совместная судьба.

– Я высажу Вас на территории? – Калинин, наконец, подал голос.

Просто, наконец, сообразил, обижаться на начальство весьма недальновидно. Потому что, если обидится начальство, то ему же самому будет плохо в первую очередь.

– Да. Нормально. – Я благосклонно ответил. Хотя мог сказать что-то более грубое. Еще надо разобраться с самим Калининным, кстати. У него, между прочим, рыло сильно в пуху. Да что там рыло. Он сам весь по уши в дерьме.

Как только машина остановилась неподалеку от управления, я шустро выбрался наружу и в ускоренном темпе метнулся в здание. До кабинета почти бежал. Сильно напрягло меня то, что Александра Сергеевна сидит в номере одна. Ясное дело, сказал ей специально про воспоминания о том вечере. Девка вот прям совсем не дура. Не знаю, какая еще фигня у нее, конечно, в башке, но, мозг там работает отменно, это факт. Она не рискнет смяться. Думаю, будет, скорее всего, пытаться меня обдурить. Разыграет, может, жертву. Поплачет. Надеюсь, не начнет соблазнять. Это самый лю-

бимый женский аргумент. Они почему-то уверены, будто таким способом легко манипулировать мужчиной. На секунду вдруг задумался. А реально... Если Комарова надумает действовать именно так? Будто назло, вспомнилась сцена в туалете ресторана. Тело у нее, кстати, весьма ничего. Да и вообще, честно говоря, у меня сложилось впечатление, что Александра Сергеевна сама очень сильно хочет быть неприметной. Средненькой. Чуть ли не дурнушкой. Так-то, если ее привести в порядок...

– Твою мать... – Я остановился и покачал головой.

Что за дурь в башку лезет? Этого только не хватало. Какое, к чертовой матери, тело. Она же самая настоящая самка богомола. С такой свяжешься, пиши-пропало. Угандошит сразу после бурного секса. А что-то мне подсказывает, возможно, опыт, секс будет бурным. Стоит вспомнить, как она моментально заводится на эмоции. Но... Оно того не стоит. Вот уж точно нет. Никаких шалостей с Александрой Сергеевной быть не должно.

Снова сорвался на бег. Ничего размышлять о всякой ерунде. Нужно взять личные дела и струячить обратно. Хотя, в большей мере, меня интересует одно, конкретное. Ведерников Игорь Леонидович. Вот крутится этот гражданин в башке, хоть убейся. Явно не просто так.

Я заскочил в кабинет, метнулся к столу. Взял все, что необходимо, и так же бегом двинул обратно.

Дорога до гостиницы, пролетела, словно одно мгновение.

Наверное потому, что несся я туда, как на пожар.

Только оказался рядом со входом в здание, на порожках вдруг нарисовалась... Комарова. Собственной персоной. Неужели все-таки дура? Нет, не верю. Она должна понимать, сейчас ее обычная схема не сработает.

– Александра Сергеевна, какая неожиданность. Вы снова меня разочаровываете. Я по-прежнему продолжаю верить в ваш разум и его адекватность, а вы по-прежнему очень хотите меня убедить, будто их нет. Ни разума, ни адекватности.

Девушка, услышав мой голос, застыла на месте. Из гостиницы она выскочила, глядя себе под ноги. Поэтому заметила меня не сразу. Зато смотрела теперь Комарова в мою сторону как-то испуганно. Вот этого я точно не ожидал. Уж чего-чего, а страха в ней за все это время не замечал ни разу. Александра Сергеевна тяжело вздохнула, затем попыталась меня обойти, видимо, чтоб иметь возможность быстро ретироваться при необходимости. Вот только она стояла на порожках. А я – крепко на земле. Поэтому, хрена там. Шагнул в ту же сторону, перегораживая ей дорогу. Она снова вздохнула. Подумала буквально секунду. А потом понеслись отмазы.

– Видите ли, Максим Сергеевич, есть некие мысли о кандидатах на роль предателя. Хочу проверить свои подозрения и логические изыскания. В тишине. Дома. Знаете, родные стены сильно помогают.

Голос ее звучал подозрительно тихо. Вот прям удивитель-

ная кротость в голосе. Очень странная хрень. При этом всем своим видом Комарова вдруг начала демонстрировать готовность сотрудничать. Правда, попыток выскользнуть за пределы моей досягаемости все равно не оставляла. Последовал очередной маленький шажок. Я повторил ее манипуляцию. Этак она скоро с крыльца свалится. Оно ведь не бесконечное.

– Отлично. Вот давайте обсудим все Ваши, как Вы это называли... Логические изыскания. Но в моем номере. Для данных целей, вообще-то, я Вас туда и отправил. Более того, лично довел. Сопроводил, так сказать. Что ж, от Вас вообще ни на шаг нельзя отлучиться?

Услышав про номер, Комарова как-то нервно вздрогнула и даже оглянулась на дверь гостиницы. Такое чувство, будто она не просто не хотела туда идти, а очень сильно не хотела. Вообще никак.

– Ээээ... Нуууу... Знаете... – Эта психичка, по другому не могу назвать девицу, которая, на минуточку, грохнула чек-листа, снова оглянулась, издавая, на мой взгляд, совершенно нечленораздельные звуки.

– Господи, Комарова, прекратите мычать. Проблемы с Вашей головой существеннее, чем казалось? Или Вы специально выбрали новую тактику? Создать впечатление не просто дурочки, а дурочки с диагнозом?

Александра Сергеевна в третий раз тяжело вздохнула, видимо, принимая для себя какое-то решение. А дальше нача-

ла твориться форменная дичь. Комарова вдруг перестала пятиться бочком и стараться сбежать. Наоборот. Она шагнула вперед. Потом еще. Пока не оказалась рядом, вынуждая меня этим поступком, между прочим, сильно напрячься. Просто в итоге, девица фактически прижалась всем своим телом к моему телу. Потому что стояли мы и до этого достаточно близко. Затем, пристально глядя в мои глаза, провела языком по нижней губе. Я вообще прихерел. Это что за сцены для взрослых? С какого перепугу?

– Знаете, Максим Сергеевич, Ваша близость так волнительна, что я боюсь быть с Вами в номере наедине. Понимаете? Вы... Я... Никого посторонних... Опасно... Девушки не должны показывать своих чувств. Но... Мне тяжело держать себя в руках. А как потом с этим жить? Просто позвольте мне сейчас унести свою боль. Я не убегу. Обещаю. Только дайте сейчас именно уйти.

Комарова говорила с придыханием, старательно изображая волнение в груди. А грудь эта, между прочим, оказалась весьма даже приличной. Там размер третий, не меньше. Както я сразу не обратил внимание. Хотя, вот уж точно не до ее груди было. То своя собственная смерть приключилась, то инженера грохнули. А сейчас эта девица трется об меня, прости господи, сиськами. Тут сложно уже не заметить. Это что вообще? А как же природная скромность, которую мне демонстрировали на протяжении нескольких дней? А как же девичья честь и гордость? В наличие которой меня сильно

старались убедить. Иначе не вышло бы той сцены в ресторане. И в морду мне бы ничего не плескали.

Из-за странных, но активных манипуляций Комаровой пуговицы ее блузки немного разъехались в стороны, грозя вообще оторваться к чертовой матери и явить миру содержимое.

Я, честно говоря, был в шоке от происходящего. Вовсе не потому, что меня женщины никогда не «снимали». Бывало и такое. Я вообще сторонник того, чтоб открыто показывать свои желания. Но Комарова! Да и времена сейчас на дворе совсем не те. О сексуальной революции никто не слышал впопамине.

Машинально перевел взгляд с лица столь агрессивно стремящейся к близости особы, на ее внезапно обнаруженные достоинства. Будто не я совсем недавно тягал полуобнаженное тело по собственному номеру. Но в тот момент в моей башке все было нормально. Я ее раздевал реально из соображений чистоты постели. Ни разу не задумался ни о чем интимном.

– Когда Вы рядом, Максим Сергеевич, мне сложно держать себя в руках. Испытываю, знаете ли, непреодолимое влечение определенного характера. Мощное. То самое, которое сводит с ума. Как в романах. Еще Ваш запах... Это невыносимо... Не встречала таких мужчин, как Вы. Никогда. Не знаю, что с этим делать. Боюсь, подобные чувства мешают совместной работе. Понимаете? Вы должны понять!

Ну, ладно. Честно говоря, в какой-то момент я «поплыл». Просто от Комаровой очень неожиданно повеяло скрытой сексуальностью. Бывает такое. Это определенная категория женщин, которые внешне вроде бы обычные, но потом, в нужный момент, там такое открывается. Любая порнография отдыхает на фоне их фантазий, которые они совсем не стесняются воплощать.

Девушка это состояние, конечно, заметила. Решила, что сработала ее уловка. Повёлся мужик на прелести и слова о страсти. Добившись желаемого, она хотела было отодвинуться от меня, внимательно слушающего ее бред, а потом, так понимаю, удалиться. Могу представить, как глупо сейчас выглядит мое лицо.

Однако, Александру Сергеевну ждал сюрприз. Она думает, будто перед ней все тот же Максим Сергеевич, который сидел пару дней назад в номере и который позволил его самым наглым образом угандошить. Но нет. Максим Сергеевич, может и повелся бы второй раз. Прикол в том, что я – совсем другой человек. Пока Комарова об меня терлась, совершенно незаметно успел положить руку ей на талию, и теперь получалось, что не она прижимается, а я ее не отпускаю. Александра Сергеевна дернулась, но поняла, хрен ей, а не отодвинуться. Мы по-прежнему прижимались друг к другу, только теперь по моей инициативе. Упс! Как говорится.

– Продолжайте, Александра Сергеевна. Крайне интересное повествование. Давно мне вот так откровенно симпатич-

ные дамы не шею не вешались. Нет, ну намеки бывали. Однако, чтоб наглядно демонстрировать внезапно вспыхнувшую страсть... И не припомню, честно говоря. Особо заманчиво это выглядит в Вашем исполнении. Значит, говорите, неожиданно вспыхнули чувства... Интересно. Это до того, как Вы планировали меня убить или после? В принципе, особой роли не играет, но хотелось бы понимания. Вдруг у Вас, не дай бог, конечно, склонности к извращениям имеются. Хотя... Время сейчас приличное, хорошее. Вы и слов-то таких, наверное, не знаете.

Комарова снова дёрнулась, пытаясь отстраниться. Я, в ответ прижал Александру Сергеевну еще сильнее. Черт... А девка приятная весьма... И вот тогда только в ее, кстати, достаточно выразительных глазах, необычного стального цвета, появился настоящий страх.

– Что ж Вы натворили, Александра Сергеевна, если готовы вот так отвлекать мое внимание... Всего лишь пару часов назад Вам неприятна была моя близость, а тут, ты погляди, чуть ли не на голову мне лезете. Хотя, я бы выразился иначе, и про совсем другое место, но нет желания Вас обидеть. Заметьте! В отличие от некоторых, ни обидеть, ни убить не пытаюсь.

– Отпустите...

По ее голосу стало понятно, Комарова паникует, но при этом начинает злиться. Вот. Такое состояние ближе к правде. Его уже могу нормально воспринимать. А то устроила ка-

кой-то цирк. Эмануэль советского разлива.

– Я. Задал. Вопрос.

Цедил слова сквозь зубы, давая ей понять, что не стоило начинать такие игры. Круто, когда молодая женщина трется о меня всеми частями тела. Радовался бы, дурачок. Хотя... Пожалуй, именно роль дурачка, меня и выбесила. То, что эта особа реально поверила, будто сможет отвлечь мое внимание подобными выкрутасами. Она на самом деле принимает меня за идиота.

– Ну... Александра Сергеевна, я слушаю. Какое преступление сподвигло Вас к столь интересному поведению? Вы, может, убили Тамару, а ее тело положили мне в постель? У Вас имеется склонность к насилию. Кстати, не расскажите, чем опоили меня в прошлый раз?

– Я Вас ничем не поила. – Комарова опять попыталась вывернуться. – Вернее, поила, но не хотела причинить вред.

В итоге, из-за попыток Александры Сергеевны получить свободу, выходило только хуже. Она по факту просто реально тёрлась об меня. И кстати, даже при том, что я прекрасно понимал, кем является эта дамочка, чисто физически процесс начал мне нравится. Хреново... Сам бы уже непротив прекратить такие игрища. Но если выпущу ее из рук, боюсь, Александра Сергеевна побьет все мировые рекорды по бегу. Она явно хочет смыться именно отсюда. И это верный признак, девица сто процентов что-то натворила.

– Слушайте, хватит уже. Вы ведь поняли, я знаю о Вас

все. Достаточно изображать из себя жертву обстоятельств. И про деда Вашего знаю. Виктор Николаевич Ершов. И Вы во-все не Комарова. Хрен с ним. Неужели не понятно по моему поведению, Вам не угрожает ничего? У нас, на самом деле, есть общие интересы. Угломнитесь Вы уже. Сколько еще планируете бегать? Вас Виктор Николаевич до конца жизни обеспечил различными биографиями? Нет. Так прекратите заниматься ерундой. Давайте реально сотрудничать.

– Хорошо. – Комарова настолько внезапно согласилась, что я охренел повторно. Не ожидал. Честно, не ожидал. Думал, сейчас польётся очередная брехня. – Только отпустите, пожалуйста. Мне не по себе, что мы так... Так вот стойм.

– Не я начал. Вы на кой черт это устроили? Все же сразу было очевидно. Какая страсть? Запах приплели...

Руку, тем не менее, пришлось убрать. После того, как Комарова согласилась нормально сотрудничать, было бы странно прижимать ее к себе. Но... что удивительно, сделал я это неохотно.

– Нельзя нам в номер. – Александра Сергеевна посмотрела на меня с грустью во взгляде. – Вы злиться будете. На меня.

– Почему? Вы что, реально Тамару убили?

– Да не смешно. Но имейте в виду. Я не виновата! Так совпало.

– А я, знаете, и не смеюсь. Мне теперь вообще страшно.

– Ладно. Идемте. Только Вы – первый.

Александра Сергеевна немного сдвинулась в сторону, пропуская меня вперед.

Глава 3. В которой я прихожу к выводу, что быть однолюбом вовсе не так уж плохо

Смех смехом, а Тамары на месте не оказалось. Я обернулся и посмотрел на Комарову. Мол, реально? Где, блин, Тамара? Александра Сергеевна сделала виноватое лицо и развела руками.

– Да ладно. Вы не серьёзно же? – Мое удивление было искренним.

– Слушайте, Максим Сергеевич, ну, Вы тоже из меня совсем злодейку не делайте. Зачем мне Ваша... как Вы ее называли? Кудрявая фея? Я кто, по-вашему? Совсем ненормальная?

Оставил слова Комаровой без ответа, но в сторону лестницы пошел быстрее. Уже поднимаясь по ступеням, откуда-то со стороны своего этажа, отчетливо услышал громкие голоса. Женские. Три. Три голоса. Причём, два тут сейчас вообще звучать не должны.

Александра Сергеевна топала следом и вздыхала практически на каждом шагу. Просто внезапная грудная жаба у нее развилась. Надеяться, что это проснулась совесть, точно не приходится.

Как только оказались на нужном этаже, ситуация начала

проясняться. Дверь в номер была приоткрыта.

Я подошел ближе. Прислушался. Хотя, можно было бы этого и не делать. Все итак прекрасно слышно.

– Гражданочки, ну, вы что устроили? Разве можно? Я ведь и милицию могу позвать. Иди дружинников наших. Хотите товарищеский суд и позор на работе, среди коллег? Это хорошо, сейчас в гостинице командировочных раз, два и обчелся. А если бы номера были битком? Не стыдно? – Тамара строгим голосом читала мораль двум особам, которые по очереди что-то блеяли ей в ответ.

Честно говоря, имелось огромное желание, плюнуть на все, взять Комарову под руку и смыться отсюда подальше. Не потому, что общество Александры Сергеевны мне милее. Просто она хотя бы не ведет себя, как оголодавшая нимфоманка. То, что было на порожках гостиницы – банальный и очень дебильный способ задурить мне голову, а потом свалить по-тихому. Да и с Комаровой на данный момент, как ни крути, общие цели имеются. К сожалению, она нужна мне на данный момент.

Те же гражданки, которые были в номере, вызывали у меня легкое недоумение своей непонятной навязчивостью. Вот от них бы с удовольствием сбежал. Серьёзно. Сбежал бы от двух оголтелых женщин. Тамара не в счет. Там – чистая и светлая товарищеская любовь. Тетка при мне робеет, но это больше от того, что ей, похоже, никто никогда не делал комплиментов. Я в ее представлении что-то среднее между ры-

царем и почти героем.

Но, во-первых, куда сбежать? Не в общежитие же к Александре Сергеевне. А во-вторых, в конце концов, это – мой номер. С хрена ли мне бегать? А вот с дамочками придётся объясниться гораздо жестче. Иначе, покоя не видать. Сейчас вообще не до них. Куса проблем, с которыми надо разобратся быстрее.

Я шире открыл дверь и шагнул в комнату.

Картина была впечатляющая. На кровати сидела Лиличка. Она пыталась привести волосы в порядок, но по факту просто снимала с них вырванные клоки. Напротив, в столь же плачевном виде, замерла Нина Ивановна. Судя по внешнему урону, Лиличка пострадала больше. Счёт явно в пользу Филатовой. Это не женщина, а какой-то асфальтоукладчик. С виду так и не подумаешь.

Заметив меня, все присутствующие в номере, замерли.

– Максим... – Актриса всхлипнула, а потом, сорвавшись с места, бросилась мне на грудь. Я так понимаю, в поисках защиты и сострадания. Блондинку даже стало жаль. Но немного. Прямо совсем немного. Не везёт ей. Буквально недавно уже была подобная ситуация. Никаких волос не напасёшься. Да и не думаю, что лысые актрисы пользуются спросом.

– Что здесь происходит? – Я не торопился принимать любовницу в жаркие и крепкие объятия. Начнём с того, что ее сюда никто не звал. Какого черта?

– Максим, я пришла. Нам надо было поговорить. После

всего, что произошло. Ждала тебя, а ты так и не появился. Вот... Тут – эта...

Лиличка оторвалась от меня и кивнула в сторону Комаровой, которая из-за моей спины выходить не торопилась.

– Я спросила ее, где ты. И по какой причине она в твоём номере...

– Она не спросила. – Подала голос Комарова. – Она с порога начала обзывать. Мне не нравится, когда посторонние женщины используют в мой адрес подобные выражения. Да и не только женщины.

– Максим, это неправда. Врет. Эта девка врет. – Лиличка подняла лицо, ладони положила туда, где оно, это лицо, только что прижималось щекой. То есть, опять же, мне на грудь. Красивая вышла поза. Хоть сейчас на сцену. Еще из глаз актрисы медленно скатились слезинки. Интересно, она что-то может делать по-настоящему? Без примеривания очередной роли.

– Вот. Видите. – Александра Сергеевна выглянула из-за моего плеча. – Девка... А я, между прочим, ей ничего такого не сказала.

– Не успела просто. – Лиличка старалась сохранить выбранный образ несчастной жертвы, но, видимо, Комарова бесила ее слишком сильно. Поэтому смотрелось это так, будто у любовницы Максима Сергеевича раздвоение личности. На физиономии – то вселенская скорбь, то резко появляется злоба.

– Нина Ивановна... – Я, поверх головы Лилечки, устался на вторую участницу этого непотребства. Филатова была молчалива и пока что своего присутствия никак не объясняла. – Вас-то за каким чертом принесло?

– Мне нужно было поговорить. – Спокойной ответила Ниночка. Она, кстати, в отличие от актрисы, истерик не закатывала. По крайней мере, сейчас. Что уж у них нет до моего прихода приключилось, пока, честно говоря, понять не могу. Вернее, могу. Обе дамы выглядели изрядно потрёпанными. Но причины не понимаю. Взрослые, вроде, люди.

– Тамара, – Я переключился на женщину, которая при моем появлении расстроилась сильнее остальных. Хотя, уж ей точно не за что. – Как вообще все эти...

Я посмотрел сначала на Филатову, потом на Лилечку.

– Все эти женщины оказались в номере. А где же Ваше строгое соблюдение правил?

– Простите... – Кудряшка смутилась. – Пришлось еще на одну смену остаться. Лена, которая должна была выйти... У нее срочно больничный открыт. А я...

– Заснула она. – Снова из-за моей спины прокомментировала Комарова. – Хотите, подробно расскажу?

Я, если честно, не особо хотел. Но когда это Александру Сергеевну волновало.

В общем, ситуация оказалась, словно реально в спектакле. Драма, комедия, уж не знаю, какое дать определение.

Лиличка, не дождавшись моего появления, решила обо-

значиться сама. Хотя, с хрена ли она ждала этого появления, тоже непонятно. Так-то, на минуточку, дурила голову Максиму Сергеевичу на протяжении долгого времени. А теперь еще, к тому же, решила, будто он должен был прийти, упасть в ноги и просить прощения. За что, вообще не представляю. Видимо, за то, что он был все это время дураком и не видел, с кем связался. Хотя, как? Тоже не понимаю. Уж он-то должен соображать.

В номере актриса обнаружила Комарову, чему сильно не обрадовалась. Если верить версии Александры Сергеевны, слова «сучка» и «дрянь» были первым, что Лиличка сообщила ей прямо с порога. Возможно, все бы закончилось на препирательствах этих двух особ. Однако, именно в тот же самый момент, Нина Ивановна, раздираемая странным желанием срочной беседы, тоже сочла необходимым явиться в гостиницу. Я так понимаю, место моей дислокации ей слил кто-то на заводе. Если она там везде свой нос сует, так полюбому нашлись доброжелатели. Хотя, учитывая, что гостиница – ведомственная... Думаю, и без подсказок не сложно догадаться. Ну, а номер... Да тоже, в принципе, не проблема. В конце концов, тут этажей всего-ничего.

Это не настолько все важно. Гораздо важнее оказался момент, который и Лиличка, и Нина Ивановна выбрали для встречи. Один на двоих.

Ну, а Комарова... Комарова просто решила, раз уж обе блондинки нарисовались в номере, и обе они явно пришли

в бешенство, обнаружив Александру Сергеевну там, где ее быть не должно, то самый оптимальный вариант, тактично перевести стрелки на самих блондинок. Поэтому Александра Сергеевна, после того, как Филатова буквально следом за Лиличкой ввалилась в номер, радостно им сообщила. Мол, знакомьтесь, девочки. Это – актриса местного театра и по совместительству любовница Максима Сергеевича. Это – Ниночка. Она, как бы, тоже стремиться занять соответствующее место. В общем, столкнула Комарова этих двух дам лбами, а сама, пользуясь накалившейся между жаждущими любви женщинами атмосферой, смылась из номера. Из гостиницы тоже хотела смыться. Но на выходе встретила меня. Вот тут ее план потерпел фиаско.

– Между прочим, – Добавила Александра Сергеевна, – Скажите спасибо, что я Тамару разбудила, когда уходила. Она лицом на своем журнале спала. А то все закончилось бы гораздо печальнее. Видели бы Вы, как они тут сцепились. Если честно, вообще не понимаю, за что...

Комарова выразительно, с намеком, окинула меня взглядом с головы до ног. Мол, она бы точно драться за великое счастье в моем лице не стала.

– Ясно... – Я достаточно грубо отцепил Лиличку, пытающуюся прижаться ко мне любой частью тела. Видимо, так актриса пыталась обозначить свое право на комиссарское тело.

Прошёл в номер. Потому как стоял и слушал рассказ Комаровой практически на пороге. Тамара верно сказала, хо-

рошо, что гостиница пустая. Я за все это время никого ещё ни разу не встретил. А то повеселили бы людей.

– Значит, так... – Сел в кресло. Посмотрел на всех присутствующих дам. Кроме Тамары. К ней у меня претензий никаких. Нормальная тетка, действительно. – Сейчас все вы берете свои симпатичные задницы в руки, и очень быстро исчезаете из данного помещения. У меня был тяжёлый день. Я устал. И в мои планы не входят никакие разговоры, выяснение отношений, драматические сцены. Вообще не входят. Даю ровно пять минут. Ты...

Посмотрел на Лиличку. Против воли скривился. Ну, вот что в ней нашел Максим Сергеевич. Красивая дура? Сам грешу, есть такое. Медом намазано на подобный типаж. Но позволять с ногами забраться на голову? Даже не на шею. Вот уж точно, нет.

– Ты больше сюда не приходи. И вообще никуда не приходи. Я сволочь, гад и подлец, тебя не достоин. Ты уйдешь, поплачу, а потом исчезну в туманной дали, дабы лечить свое разбитое сердце. Понятно говорю?

Актриса всхлипнула и прижала обе ладони ко рту. Опять же, красивым, выверенным жестом.

– Максим... – Начала было Лиличка.

– Слушай... Я пытаюсь соблюсти приличия. Не вынуждай быть меня грубым.

– Действительно, милочка, имейте гордость... – Нина Ивановна, задрав подбородок, высокомерно улыбнулась со-

пернице.

– А... да. Вы же еще... – Я переключился на Филатову.

Голова, как назло, начала болеть просто ужасно. Я, похоже, действительно устал за столь насыщенный день. И это не считая того, что мы с Максимом Сергеевичем вообще-то буквально пару дней назад умерли. А теперь такие стрессы.

– Обе, пожалуйста, будьте любезны, избавьте меня от своего присутствия. И Нина Ивановна... включите голову. Она у Вас включается, я надеюсь? Хотите вылететь из отдела? Так я устрою. За аморалку, например. Вам оно надо? Стоит того?

Филатова застыла, прожигая меня гневным взглядом. Она после отказной, выписанной действующей любовнице, ждала явно чего-то другого.

– Помочь? – Спросил сразу обеих, и актрису, и Ниночку.

Первой выбежала Лиличка. Уже из коридора послышались громкие рыдания красивым, поставленным голосом. Они, эти рыдания, удалялись и становились все тише. Хотя, даже спускаясь по лестнице, Лиличка очень старалась делать это так, чтоб я наверняка слышал.

Следом вышла Филатова. У нее хотя бы хватило ума не завывать и не говорить ничего. Единственное, напряг меня последний взгляд, брошенный в мою сторону перед тем, как она исчезла за дверью. Многообещающий. Злой. В данном случае, так понимаю, от любви до ненависти был не один шаг, а слово «нет», которое Филатова расценила личным

оскорблением. Как же так. Ее, и послали. Надо быть с Ниной Ивановной аккуратнее. Эта из категории особо злопаятных. Пока не знаю, чего ждать, но что-то точно будет.

– Простите... – Снова завела свою шарманку Тамара. – Я правда заснула. Сама не заметила. Вы, пожалуйста, не пишите докладную...

– Тamarочка, – Я махнул рукой, останавливая поток ее слов, – Все нормально. Прекратите. Со всеми бывает. Вы же не знали, что так получится. Идите на свой боевой пост. И спасибо за верную службу. Вы – настоящий боевой товарищ. Растащили этих... дам.

Женщина кивнула и тоже вышла из номера.

Я откинулся на спинку чертовски неудобного кресла. Голова просто раскалывалась. Прикрыл глаза, пытаюсь отключиться от боли.

– Максим Сергеевич...

Выругался вслух и снова глаза открыл. Комарова стояла в дверях. Про нее совсем забыл. Вот засада. Ее так запросто не пошлешь. Она нужна мне.

– Это Вы все устроили. Специально. Уверен. Всегда там, где маячит Ваша персона, происходит какая-то хрень. Мне кажется, Вас послали в наказание, за грехи.

– Я?! – Александра Сергеевна очень искренне возмутилась. – Я их притащила сюда? Думаете, что говорите? Может, просто Вам не надо вести себя подобным образом со всеми подряд. Нашли тоже виноватую. Ходите, улыбаетесь, ручки

целуете, а я виновата? Ну, знаете...

– Подобным, это каким?

– Ну... пристаёте ко всем. Даете, так сказать, надежду. Для Вас вообще женщины, это... – Комарова замялась, подбирая слово, а потом торжественно заявила. – Вещь! Женщины для Вас это вещь. Вы с ними не считаетесь.

– Господи... Какая чушь... – Я провел ладонью по лицу. – Скажите, Александра Сергеевна, а что в моей просьбе свалить отсюда всем присутствующим было непонятно. Или Вы слышали своё имя в виде исключения? Я же сказал, всем. Значит, всем.

Комарова, как раз, собиралась озвучить еще какую-то претензию. Но после моих слов застыла с открытым ртом. Наверное, в ее понимании, приличные мужчины так себя не ведут и такие выражения по отношению к приличным женщинам не используют. Но я настолько устал, что мне вообще было искренне и глубоко насрать в данную минуту на любых женщин. Даже сильно неприличных.

– Так Вы же хотели... Личные дела... Изучить, поработать... – Комарова посмотрела на папку, которую я все это время держал в одной руке. А теперь она, эта папка, лежала у меня на коленях.

– Александра Сергеевна... Вы, конечно, сильно бодрите своим присутствием и вносите в серые будни яркие краски. Но сейчас меня от этих красок уже тошнит. Поэтому... Идите Вы к черту отсюда. Или в общежитие. Как хотите. Но!

Имейте в виду. Если завтра утром не появитесь на работе, если опять решите сбежать, клянусь, я найду Вас очень быстро и сломаю Вам, например, ноги. Чтоб Вы уже точно никуда не убежали. А уползать от меня, знаете ли, достаточно проблематично. Поверьте, не дрогну ни на секунду. Потому что, носиться за Вами по городам и весям не буду, как Макс... – Хотел сказать, как Максим Сергеевич, но вовремя осекся. Вот бы удивилась Комарова. Сидит человек и говорит о себе в третьем лице. – Короче... Моя мысль, надеюсь, понятна. У меня есть определённый план. Вам это ничем не угрожает. Более того, постараюсь помочь разрешить Вашу сложную ситуацию. Но... предупреждаю сразу. Не дразните меня. Вам сильно не понравится итог. А теперь скройтесь, бога ради, с глаз. У меня от Вас уже мигрень.

Комарова все время, пока я говорил, так и стояла с открытым ртом. Мне кажется, немного иначе Александра Сергеевна представляла себе чекистов. И встречу с ними тоже. Потому что ее лицо выглядело очень удивленным. Я в рамки ее восприятия точно не укладывался.

– Я Вам не верю. – Выдала она в итоге.

– А мне, если честно, плевать. Верите или нет. Я предупредил. Не хотите по-хорошему, реально будет по-плохому. Совсем не так «по-плохому», как Вы думаете. Еще раз повторяю. Меня интересует смерть вашего долбанного инженера. По ряду своих причин. Меня интересует решение Вашего вопроса. Тоже по ряду своих причин. Все. Остальное мне

глубоко параллельно. Исчезните уже, наконец. А то я за себя не ручаюсь. Придушу Вас, закопаю по-тихому, а начальству отчитаюсь, мол, пропала гражданка Комарова. Опять. И буду еще лет десять изображать активные поиски.

Александра Сергеевна громко фыркнула, развернулась на месте и выскочила в коридор. Конечно же дверью хлопнула со всей дури. Я взял в руки папку. Посмотрел на нее с тоской. А потом открыл. Игорь Леонидович Ведерников... Интерес к его персоне был гораздо сильнее головной боли.

Глава 4. В которой становится понятно, что горячие боевые действия перешли в стадию «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

– Игорюша, Игорёк... Кто же ты такой, мой пухлый друг... – Я сидел в кабинете, за столом. Постукивал карандашом по столешнице и вслух, как уже водится, беседовал сам с собой. Время близилось к обеду. И я планировал обед себе по-любому устроить.

Кстати, в данном случае известная присказка насчёт того, что с умным человеком всегда приятно беседовать, вовсе не выглядела приколом. Там, где я сейчас нахожусь, это очень подходящее высказывание.

Утро, привычно, началось через одно место. Этому уже удивляться перестал.

Для начала, в душе не оказалось воды. Никакой. Даже холодной. Как дельный, разделся, встал на резиновый коврик, открыл вентиль и минут пять топтался по этому коврику в ожидании чуда. Чуда не произошло.

– Сука! – Сказал я в пустоту.

Поднял голову и внимательно принялся гипнотизировать душ, висящий над моей головой. Эффекта ожидаемо – ноль.

Был вынужден одеться обратно, пройти весь этаж в поисках хоть кого-нибудь. Потому что гостиница «радовала» тишиной и пустотой. Спустился вниз. Тамары на месте не обнаружилось. За стойкой сидела другая тетка. Менее приветливая.

– Простите, из душа не льётся вода. Почему? – Поинтересовался я у женщины с тяжёлой, квадратной, бульдожьей челюстью. На фоне этой дамы Кудряшка – просто настоящая королева красоты.

– Потому что ее там нет. – Совершенно спокойно ответила тетка, при моем появлении даже головы от своих писуллек не оторвавшая. Она что-то строчила в журнале.

– Та-а-а-а-ак... Ладно. А как сделать, чтоб она появилась?

Тетка подняла взгляд, посмотрела на меня, как на врага народа, а потом достаточно резко заявила.

– Слушайте, гражданин, в Африке, между прочим, людям даже попить не́чего. А Вы тут истерику устроили из-за какого-то душа. Что за барские замашки? Нет воды. Вечером, возможно, будет. Не умрете же?

– Не умру. – Согласился я, испытывая огромное желание послать ее к черту. Но, судя по всему, это – сменщица Тамары. Ругаться точно не нужно. При желании обслуживающий персонал вполне способен, из мести, превратить проживание в гостинице в маленький, локальный ад. Знаю. Сталкивался. По лицу Бульдожки заметно, с ней и без того договориться об уступках будет сложно. А если поцапаюсь, то невозможно. Ладно, хрен с ним, с душем.

Я развернулся, направился к лестнице, мысленно желая этой гостинице провалиться сквозь землю. Но после моего отъезда.

– Кстати, гражданин...

Пришлось обернуться, всем видом изображая внимание и заинтересованность.

– Не надо ходить по гостинице в майке. Вы не у себя дома. Соблюдайте приличия.

Я посмотрел вниз, на свои ноги. Штаны на месте. Все нормально. Ладно был бы без штанов. Чем ей майка не угодила? Но спорить, опять же, не стал.

Вообще, если честно, я не выспался. Состояние было разбитое. Половину ночи пялился в личное дело Ведерникова и пытался найти хоть какие-то концы. Концов не было. Внешне все выглядело прилично. Хотя, знаем мы эти приличные биографии. Вон, одна уже имеется. Отравительница херова. Даже две, если учитывать жену Маслова. Правда, та хоть безобидная. Наверное...

Меня на Ведерникове просто заклинило. Учитывая, что память пока еще, как в народе говорят, «девичья», тут помню – тут не помню, можно предположить, это неспроста. Допускаю, Максим Сергеевич уже имел какие-то вопросы к Игорю Леонидовичу. В один из приездов мог, например, запросить список сотрудников, попавших в специальную группу. И чем-то ему Ведерников, к примеру, не понравился. Вопрос, чем?

Короче, из гостиницы я вышел уже заведенный. Заскочил по дороге в гастроном, купил какую-то булку, кусок колбасы и конфет. В обед можно будет сходить в «Полет», но сейчас сильно, очень сильно хотелось, даже не есть. Хотелось жрать. Мне кажется, начался активный процесс восстановления организма. Видимо, сознание, наконец, конкретно устроилось на новом месте, в новом теле, и теперь это тело требовало от меня определённых вещей. Я реально начал сильнее испытывать физические потребности разного толка. В первую очередь – голод, жажду. Все время хотелось пить и чего-нибудь съесть.

Во-вторых, утром встало не только солнце. Учитывая, что в моей нормальной жизни, женщины рядом были всегда, то увидев, как совершенно беспардонно вздыбились трусы, я даже слегка огорчился. Не самому факту. Он – нормальное явление. Тут наоборот нужно радоваться, что Максим Сергеевич резв и бодр. А тому, что деть всю эту радость некуда.

Невольно задумался об интимной стороне новой жизни. Просто к воздержанию не приучен. Совсем. Однако, учитывая, какой отвратительный вкус был у Максима Сергеевича на женщин, лучше потерплю. Сейчас надо раскидаться с тем дерьмом, которое на меня свалилось, а потом уже и личной жизнью можно заняться.

Кстати, «свалилось» – очень верное определение. Слово «дерьмо» – тоже подходит исключительно.

Совсем недавно я был рад, что очнулся именно в те-

ле Максима Сергеевича. Нормальная должность. Непыльная работа. Прокатился по заводам, посмотрел, все ли хорошо. Вернулся в Москву. Ну, там что-то подсуетился. Все. При этом – почет, уважение и минимум геморроя. А в итоге? Вылез долбаный Комитет. Потому что уж кем-кем, а чекистом я быть никогда не хотел, даже в детстве. Я вообще не мечтал о героических профессиях. Летчики, водолазы, пожарные – никогда данные образы не казались мне привлекательными.

Ментовка, в которую устроился на заре своей трудовой деятельности – это изначально блажь души. Да и причины там были точно не в героизме. Хотя, в справедливость верил. Пока сам не встрял. Адвокатура... ну, тут вообще особая песня. Прикалывал не процесс защиты. Прикалывало то, что я мог позаботиться о благополучном исходе дела до того, как это дело куда-то двинется.

Но не суть. В любом случае, даже в своей обычной жизни, с предубеждением относился к федералам. Вот не нравились они мне и все тут. Тем более, вообще не хотел оказаться на их месте. Это в современном времени. Где федералы контролируют очень много сфер и при желании неплохо себя чувствуют. А здесь, в Союзе начала 70-х – тем более нет никакого желания работать в Комитете Государственной Безопасности. Это же, блин, постоянный, бесконечный напряг. Я от напрягов отвык. Очень сильно отвык. Все мои напряги в последние годы жизни – успеть решить вопрос, договорится, дать денег, кому надо, до того, как ситуацию сложно будет

исправить.

Я уверен на сто процентов, что чекистом быть не готов. Поэтому, требовался план. Хороший, добротный план. Как бы соскочить со службы. И тут тоже проблема. Время. Опять все упирается в чертовы 70-е. КГБ это не просто случайная организация, где легко можно прийти и сообщить, что ты решил уволиться. Тем более, так понимаю, Максим Сергеевич не просто какой-то обычный сотрудник, который занимается всякой мелочью. Учитывая его историю, связанную с семейством Ершовых, мне вряд ли дадут «добро» на преждевременную пенсию. Короче, хрень полная выходит. Но единственное я знал наверняка, не хочу оставаться чекистом. Надо искать выход из этой ситуации. И вот что-то на интуитивном уровне мне подсказывало, моим выходом может стать как раз Александра Сергеевна Комарова. Пока, правда, не знаю, как именно, но обязательно что-нибудь придумаю. Надо будет, сдать, продам, солью ее с потрохами. Собственно-ручно препровожу в казематы Лубянки. Если, благодаря этому, получу свободу от столь чудесной службы на благо государства. Подло? Вот уж нет. Она мне – никто. Я ей ничем не обязан, ничего не должен. Да и вообще, положи руку на сердце, хрен его знает, так ли безопасны Александра Сергеевна и информация в ее голове для нашей Родины. В любом случае, об этом Комаровой, конечно, знать не нужно. Она должна начать мне доверять.

Кстати, про Лубянку... Это ещё хорошо, что на дворе не

какие-то, например, 1953 или 1937. Вот там бы я вообще прозрел.

С такими не очень радостными мыслями появился на заводе. Калинин уже сидел возле кабинета, в ожидание меня. Возле своего же кабинета. Однако, учитывая, что теперь кабинет используется мной, входить без разрешения бедолага не рискнул.

– Доброе утро. – Владимир Александрович вскочил на ноги, едва только заметил меня в конце коридора.

– Доброе? – Я с сомнением посмотрел на Калинина. Прикалывается, что ли? – Вот уж не думаю. Сейчас будем отчитываться.

– Кому? – Калинин, похоже, как и я, не проснулся или не выспался. Ну, или просто реально туповат. Так как вопрос задал наиглупейший.

– Не кому, а куда. Наверх будем отчитываться. – Я толкнул дверь и вошел в кабинет. Калинин резво рванул следом. – Нужно сообщить, что у нас – мертвый Маслов. И чертежи. Кстати... Вы проверили? Все на месте? Вам же этот... Василий Андреевич их вернул?

– Да. Все. Вчера вечером, когда Вы уже ушли, занимался этим вопросом. И знаете, что странно, Максим Сергеевич...

– Ну-ка. Удивите меня. – Я уселся за стол, Калинин, привычно, взял стул и устроился напротив.

– Не могу понять, зачем их Лев Иванович брал.

– Вот неверно Вы мыслите, товарищ Калинин. Вопрос

главный не в этом. Зачем их вынес Маслов, вполне очевидно. Здесь, на заводе, имеется предатель. Даже, скорее всего, в самой группе. Лев Иванович унёс бумаги, чтоб они не попали в плохие руки. Потому что доподлинно знал, эти плохие руки собираются, я так думаю, сделать копию. Вряд ли посягнули бы на оригинал. Слишком палевно. Ну... то есть, слишком наглядно это было бы. Меня, например, интересует, почему чертежи остались рядом с трупом...

– Как почему? – Калинин стал выглядеть гораздо грустнее, чем пять минут назад.

Мысль о том, что предатель все-таки имеется, расстроила Владимира Александровича сильно. Он реально поверил, будто Маслов внезапно чокнулся? Решил прогуляться с секретными сведениями под мышкой просто так? Кто вообще Калинина поставил в руководители? Мне прям очень интересно. У него в башке – либо одна прямая извилина, либо Владимир Александрович охренеть как круто строит передо мной дурака.

– Так, убийство же было... Оно было случайным. Ссора, ругань, потом этот нож. – Калинин с надеждой заглянул мне в глаза.

– Слушайте, ну, не уничтожайте в моем сердце надежду, что начальником отдела Вы стали заслуженно. Какая, к чертовой матери, ссора? С кем? Нет, ссора, может, и имела место быть. Но случайное? Скажите еще, бытовое. Перестаньте. Бред. Сами сопоставьте все факты. Лев Иванович

вел исключительно праведный образ жизни. Любовницы у него нет. Склонностей к пагубным привычкам он не имеет. Друзьями не обзавёлся, потому что помешан на работе. Анна Степановна, по-вашему прирезала мужа? Мотив какой? Ограбление и всю подобную ересь исключаем тоже. Кем бы ни был тот, кто посетил его на даче, это однозначно связано с тем, что Маслов опасался диверсии. Знаете, почему?

– Почему? – Калинин в данный момент сильно напоминал мне попугая. Сидит и повторяет окончания моих фраз.

– Потому что, Владимир Александрович, Маслов должен был сам стать тем самым предателем. Вы когда проверяли его кандидатуру... Точнее не Вы лично. Ваш отдел. Никаких подозрительных деталей не заметили? Можете не отвечать. Я сам. Нет, не заметили, раз он мало того, трудился на заводе, так еще и возглавил работу группы, которая занялась модернизацией этого самолета. А вот сейчас, для Вашего понимания, объясню. Лев Иванович в определенные годы делал карьеру в конструкторском бюро Яковлева. Период его работы там совпадает с достаточно известным авиационным делом. Мелочь. Казалось бы. Но, будь ваши сотрудники более усердны, то выяснили бы некоторые факты, относительно Маслова. Скажем так, несостыковки. Сейчас это уже роли для Вас конкретно не играет. Да и, опять же, случилось его трудоустройство лет пятнадцать назад. К Вам вопросов нет. Кроме, пожалуй утверждения списка сотрудников спецгруппы. Вы во главе поставили человека, имеющего в сво-

ей биографии охренеть, какие серьезные, зацепки для шантажа. Во главе группы, которая, наперекор внешнеполитическим договоренностям с нашими «друзьями», продолжает действовать на опережение в некоторых сферах. А должны были выбирать сотрудников с исключительно чистым прошлым. Кстати... сотрудники...

Я посмотрел на часы. Время было уже далеко за восемь, а Комаровой даже и не пахло. Неужели все-таки девка совсем безголовая. Отвечаю, если сбежала, пришибу. Реально. Это будет и проще, и продуктивнее.

– Так... Владимир Александрович, Вы посидите тут, в тишине. Подумайте. Мне кажется, Вам точно есть, что мне рассказать. Я вернусь буквально минут через десять. Не пойму, где мой личный, чтоб ей икнулось срок раз, помощник.

Я выбрался из-за стола и направился к выходу из комнаты. Калинин остался сидеть на месте. Выглядел он пришибленным. Владимир Александрович понял, похоже, на что я намекаю. Хотя, там список немаленький. Сам Маслов, Филатова, которая до сих пор вызывала у меня достаточно много вопросов, Комарова, которую, опять же, инженер пристроил с помощью Калинина, и предположительно, Ведерников. Тут пока не знаю, в чем прикол. Но обязательно пойму.

Вышел в коридор и прямой наводкой рванул к отделу главного технолога.

Комарова Александра Сергеевна, как ни в чем не бывало, с совершенно невинным выражением лица, крутилась возле

своего рабочего места.

Коллеги косились в ее сторону, потому что не понимали, какого черта она тут делает. Ее же, вроде, отправили в мои osobистские руки. Зато двое, Ведерников и Филатова, изображали совместное обсуждение рабочего вопроса, хотя по их светящимся физиономиями было понятно, перетирают версии, связанные с внезапным возвращением Комаровой. Подумали, наверное, как и остальные, будто Александру Сергеевну вернули в группу.

– Всем добрый день. – Зашел я тихо, поэтому, мой голос прозвучал для присутствующих, как гром среди ясного неба.

Вообще отдел занимал достаточно просторное помещение. Просто в передней его части находились рабочие места, выделенные для спецгруппы, а дальше – располагались обычные сотрудники. Но при появлении меня, Великого и Ужасного, работать бросили все. Уставились с интересом, который перемешивался с опасением. Мало ли зачем принесло проверяющего товарища из Москвы.

В общем, замерли все. Кроме Комаровой. Само собой. Кто бы сомневался. Эта особа продолжала упорно изображать бурную трудовую деятельность. Даже начала что-то бормотать под нос. Свидетели ситуации напряжённо вслушивались, что за звуки издает Александра Сергеевна. Я, само собой, тоже. Вдруг девка все-таки умом тронулась. На почве трагичных событий. Просто, если честно, охренеть можно с ее выдержки. Семь лет она колесит по стране, жи-

вёт под чужими именами, таскает с собой какую-то херню, от которой Максим Сергеевич кони двинул, в голове держит список нелегальных агентов Союза, за которых ей эту голову того и гляди оторвут. Но при этом – просто непробиваемая железобетонная психика. Это вот что? Гены? Воспитание? Природная дурь?

Я подошел ближе к месту, где топталась Комарова. В руках у нее была какая-то хреновина, непонятного мне назначения. Я ни разу не инженер и даже по черчению еле-еле в школе переваливался с двойки на тройку.

Остановился рядом. Стою. Смотрю. Комарова что-то там чертит и высчитывает на специальной бумаге. При этом поет себе под нос. Мандец. Просто самая настоящая дурка. Остальные присутствующие, поняв, что совсем уж в наглую лупить, это слишком, начали хаотично суетиться, изображая то ли броуновское движение, то ли активный рабочий процесс. Но большинство из них как-то ненавязчиво переместились ближе к нам с Комаровой. Видимо, любопытство было слишком огромным. Сильнее, чем чувство самосохранения.

– Александра Сергеевна... – Я позвал ее ласковым, нежным голосом.

– Ой... – Комарова подняла голову, изобразив на лице неожиданную радость. Типа, она меня и не заметила сразу, и видеть очень счастлива. Актриса из нее была еще более хреновая, чем из Лилички. Ну, либо эта девица не планировала

скрывать, что нагло врет.

– Стесняюсь спросить... а что Вы тут делаете? – Я смотрел ей прямо в глаза всем своим видом демонстрируя доброту и мудрость. Практически, отец родной.

– Так работаю, Максим Сергеевич... – Комарова с меньшим усердием изображала бестолковое дитя. Она хлопала глазами и, типа, немного смушалась.

– Ммммм... Работать – это, Александра Сергеевна, очень хорошо. Это – похвально. Только не пойму... Почему здесь, а не в моем кабинете?

– Ой... – Комарова скромно потупила взгляд. – Так думала, все. Не нужна больше. Вы же меня рядом держали из соображений... Личных. Так можно сказать. Опасались, что наше общение слишком быстро закончится. И придётся Вам опять пару лет голову ломать над извечными вопросами. Кто виноват? И что делать?

Вот сучка... Я даже мысленно усмехнулся и пооплодировал ей. Ткнула меня носом в тот факт, что Максиму Сергеевичу пришлось изрядно за ней побегать. Ну, ок... Значит, открытое противостояние у нас закончилось, начался период скрытой войны.

– Александра Сергеевна... – Я наклонился к ней совсем близко.

Что характерно, свидетели, которые, мне кажется, дышать начали тише, лишь бы все расслышать хорошо, качнулись вслед за мной. Как те бандерлоги перед удавом Каа.

– Скажите, а Вы много романтических фильмов смотрели?

– Нет. А что? – Комарова смысла вопроса не поняла, но, судя по взгляду, который стал напряжённым, догадалась, начальство задумало херню.

– Так вот... Самая распространённая сцена в романтических фильмах... Не в наших, не в советских... Герой подходит к героине, хватает ее, взваливает себе на плечо и тащит... Да неважно, куда. При этом, одной рукой держит непременно за... – Я немного наклонился в сторону и посмотрел на задницу Комаровой. Она, естественно, проследила за моим взглядом. Смутилась. – Вы поняли за что именно держит, Александра Сергеевна. Так вот... Представьте, какие ужасные вещи подумают коллеги... И Вашей порядочности, которой Вы размахиваете направо и налево, как флагом, придет трюндец.

– Не посмеете... – Прощедила Комарова сквозь сжатые зубы. Мне кажется, она представляла в этот момент что на зубах у нее какая-то часть моего тела. Любая.

– Проверим?

Добившись нужного эффекта, я отстранился, развернулся, но задержался на несколько минут, прислушиваясь, что происходит за спиной.

– Бегу со всех ног... – Александра Сергеевна обошла меня, стараясь не коснуться даже случайно, и быстро направилась к выходу из отдела.

Глава 5. В которой я мог бы предположить, что Комарова продолжает врать, но это мне пока не известно

– Слушайте... Созрел вопрос. Чисто ради любопытства. Вот думаю, думаю... Покоя прямо нет.

Саша подняла голову и посмотрела на мужчину, произнесшего эти слова. Он стоял возле окна, полубоком.

Чертов Максим Сергеевич, честно говоря, раздражал ее одним только своим видом. Даже когда молчал. Именно поэтому Саша вместо того, чтоб явиться перед светлые начальственные очи, отправилась в родной отдел. Назло. Но почему-то бояться она его, больше не боялась. Наверное, подзревала, теперь Беляев не так опасен, как раньше. Просто... Она его чуть не убила, а он смеется. Хотя... Может, сумасшедший? Столько лет работать в Комитете, надо быть точно ненормальным. Они все там ненормальные. По крайней мере, Саша для себя была в этом уверена на сто процентов.

Однако, сейчас, сидя за столом, она решила, а почему бы и нет. Почему бы и не ответить. Тем более, с момента, как пришлось топтать в его кабинет, это был первый вопрос, который Беляев задал нормальным тоном. Без сарказма или из-

девки. Хотя, неизвестно, что хуже: постоянные попытки ее зацепить или вот такая серьёзная интонация.

Сначала, когда они пришли на место, там обнаружился Калинин. Начальник первого отдела выглядел грустным и несчастным. А еще уставшим. Будто за эти дни прожил несколько лет в ускоренном режиме. В принципе, Саша его понимала. Загрустишь тут, когда постоянно перед глазами мельтешит Максим Сергеевич. Туда-сюда. Туда-сюда...

– Подумали? – Беляев задал вопрос Владимиру Александровичу мимоходом, будто продолжил начатый ранее разговор.

– Подумал... Нам действительно надо поговорить. – Калинин покосился на Сашу.

Она явно с его точки зрения была здесь сейчас лишней. Девушка в ответ на немую претензию особиста пожалала плечами. Мол, сама бы не против оказаться в другом месте.

– Вот и чудно. Идемте, решим некоторые свои недоразумения. Внутренние, так сказать. А Вы, Александра Сергеевна, займитесь делом. Вот. – Максим Сергеевич подвинул в центр стола папку, которая до этого лежала на самом краю. – Я, к примеру, потратил очень много времени, но ничего не нашел. А надо найти. Там точно что-то есть. Изучайте. Вернуть, обсудим.

После этого оба мужчины вышли из кабинета, оставив Сашу в одиночестве. Девушка задумчиво посмотрела им вслед. У Калинина явно проблемы. Это заметно. Чем, правда, пока

чревато, неясно.

Саша вообще к Владимиру Александровичу относилась хорошо. Хотя, надо признать, занимает он не свое место. С точки зрения специфики этой профессии. Особистом не может быть человек, из сострадания или сочувствия способный пойти навстречу людям, которых он должен контролировать и держать в напряжении. А Калинин мог. И шёл.

Саша приблизилась к столу, открыла личное дело, на котором сделал акцент Беляев. Сильно удивилась. Игорь Ведерников?

Вот тут девушке стало интересно. Почему именно Ведерников? Она уселась на стул и принялась изучать информацию. Погрузилась в нее с головой. Прочла. Подумала. Снова прочла. Поняла, какой именно момент зацепил. Взяла папку с делом Филатовой. Нашла нужное место и только после этого удовлетворённо кивнула сама себе. Не ошиблась.

Максима Сергеевича не было около часа. Вернулся он задумчивый. Видимо, беседа с Калининым, а вполне очевидно, для этого они и уходили, получилась не только долгой, но и продуктивной.

– Ну? Какие мысли? – Начал он с порога, – Сидите, сидите... я постою.

Саша хотела уступить место начальству, но Максим Сергеевич махнул рукой, мол, не нужно беспокоиться. Он подошел к окну, возле которого пристроился чуть сбоку, в стороне, и принялся наблюдать за чем-то происходящем на улице.

– В общем... Ничего выделяющегося или необычного.

– Угу... Тоже так подумал... – Максим Сергеевич сказал это неопределённо и расплывчато, будто слушал Сашу очень невнимательно. Можно сказать, вообще не слушал. Его гораздо больше интересовало происходящее за окном.

– Есть лишь один маленький нюанс... Я на него сначала не обратила внимания. Просто он слишком мелкий. Зацепило чисто внешне.

– Так... Продолжайте... – Максим Сергеевич даже не посмотрел на девушку ни разу. Что он там разглядывает, интересно?

– Ведерников родился в том же месте, где и Филатова. Буквально, соседнее село. Только Игорь рос в районном центре, а Нина Ивановна, выходит, рядом. Однако, школа у них была одна. Последние два года Филатова получала среднее образование там же, где и Игорь.

– Мммм... И что из этого следует? – Максим Сергеевич вдруг резко отпрянул от окна. Словно опасался, что его именно в эту минуту могли увидеть.

– Теоретически – ничего. Но они – ровесники. Значит, учились в одном классе. Однако, никогда, вообще ни разу, не делились друг с другом общими воспоминаниями. Да и в остальном. Сами знаете, когда люди имеют совместное прошлое, особенно, когда оно связано с конкретными периодами, школа, институт, и так далее, это все равно проскакивает. Но и Ниночка, и Игорь с самого начала, имею в виду, как

я устроилась в отдел, вели себя так, будто у них этого прошлого нет...

Именно в этот момент Беляев вдруг очень неожиданно перебил Сашу. Той самой фразой про вопрос.

– Да. Хочу узнать у Вас кое что. – Он, наконец, оторвался от окна, обошел стол и сел на диван. Так было гораздо удобнее. До этого девушке приходилось выкручивать себе шею чтоб говорить с ним. Потому как стоял Максим Сергеевич практически за ее спиной.

– Конечно, отвечу. Какой? – Саша приготовилась к чему-то, связанному с дедом.

– Как Вы понимали, что за Вами следят? По каким признакам? Были же признаки? Заметили меня? Или что?

Саша немного растерялась. Уже вполне очевидно, Максим Сергеевич действительно не планирует чего-то плохого. По крайней мере, по отношению к ней. Иначе это плохое давно произошло бы. Но все равно, говорить о том, как она скрывалась, Саша была не готова. Это точно не та тема, которую можно запросто обсуждать. Тем более, в подробностях. Однако, Беляев смотрел с настойчивым ожиданием. Избежать подобных бесед явно не получится.

– Ну... Чувствовала.

– Погодите... чувствовали? Seriously? – Максим Сергеевич облокотился о спинку дивана, закинул ногу на ногу, руки сцепил в замок, положив их на колени. – Чувствовали? То есть это не какая-то хитрая система, которой Вас научил

дед? Не профессиональный способ разведчика определить слежку? Или понять, что тебя раскрыли? Просто чувствовали и все?

– Ну, да. – Саша пожала плечами. – Мурашки бегали.

– Мурашки... – Беляев несколько раз моргнул, бестолково глядя на Сашу. – Какие мурашки?

– Ну, какие... Обычные. Сначала вот тут. – Саша дотронулась пальцами до своего затылка, – А потом – ниже. И по всей спине.

– Даже не знаю, что сказать... Ладно, бог с ним. А во второй раз... имею в виду, когда Вы жили во втором городе маршрута, придуманного дедом... это же Виктор Николаевич придумал. Правильно? Заранее. Придумал и подготовил Вам все необходимое. Так вот. Кроме меня...

Уже в этот момент девушка напряглась. Она поняла, что интересуется Беляева и о чем он сейчас конкретно спросит. Не знала только, как ответить. По крайней мере, правду, точно нельзя говорить.

– Кроме меня, Вы больше никого не... – Максим Сергеевич прервался и покачал головой, усмехнувшись. Его данная формулировка, как и сам способ, явно изумляла. – Кроме меня никого не чувствовали?

– Нет. – Саша очень искренне смотрела ему в глаза.

Главное правило, когда врешь, а тем более, когда врешь нагло, ни в коем случае не отводить взгляд. Если хоть на мгновение это произойдет, собеседник интуитивно почув-

ствует ложь. Хотя, между прочим, на самом деле, можно говорить все, как есть, совершенно правдиво, но смотреть в другую сторону. Вовсе это не показатель. Но дед говорил, так устроен человеческий мозг. Отвернулся собеседник, значит он не может выдержать прямого взгляда. Не может выдержать, значит – соврал.

– Странно... – Беляев уставился куда-то в пустоту. – Я помню... Уверен, точнее... Был ещё кто-то. И знаете, что интересно, Александра Сергеевна, этот кто-то вовсе не мой коллега. Ладно, опустим пока данную тему... Значит, говорите, они учились в одной школе?

– Да. – Саша еле сдержала вздох облегчения. Она точно не хотела признаваться чекисту, что убила человека. Пусть даже защищаясь. – Просто вот... смотрите...

Девушка взяла папку с личным делом Ведерникова, рядом положила информацию по Филатовой.

– Вот... – Указательным пальцем провела по нужной строчке. – Белая чигла, Аннинского района. Это место, где родилась и жила Филатова. Поселок Анна – Ведерников оттуда. В небольших деревнях либо имеется начальная школа, либо восемь классов. Старшие, девятый и десятый, как правило, деревенские заканчивают в райцентре. Там школа всегда больше. Не утверждаю на сто процентов, но думаю, так и есть. Надо проверить.

– Вы говорите, они никогда не подавали вида, будто знали друг друга до завода?

– Никогда. – Саша отрицательно покачала головой. А потом, не выдержав, задала вопрос, который ей, например, тоже был очень интересно выяснить. Тем более, раз уж у них настала пора откровенных разговоров. – Максим Сергеевич, так кто Вы? На самом деле? Если работаете на Комитет, почему здесь сейчас сидите? В этом кабинете? Вы же работаете на Комитет? Верно?

– Верно. – Беляев не стал отпираться. – Это очевидно. Считайте, что Вы – моя основная работа. Все остальное – по совместительству. Знаете, что хочу сказать... Как-то все не складывается. Вот такое ощущение, будто куски чего-то целого лежат прямо передо мной, а я не могу сообразить, как конкретно их надо собрать. Но в принципе, момент, на который Вы обратили внимание, да... интересно. Зачем им скрывать общее детство, если это так? Александра Сергеевна, для Вас будет задание...

Саша закрыла папки, отодвинула их в сторону и уставилась на Беляева, пытаясь сообразить, как это так вышло, что она теперь, пусть косвенно, но работает на Комитет? Дед в гробу, наверное, перевернулся.

Он категорически был против любого взаимодействия внучки с этой системой. Хотя, ее, наоборот, с детства очень интересовало все, связанное с опасной работой тех, кто защищает Родину, оставаясь невидимым. Она одно время даже грезилась о таком будущем. Правда, мечтала не о «полевой» работе, не о кабинетной. Саша на полном серьёзе хоте-

ла служить в разведке.

У деда случился нервный припадок, когда она впервые об этом сказала вслух.

– Ты с ума сошла?! – Виктор Николаевич со всей силы стукнул кулаком по обеденному столу. – Забудь! Думать на смей. Во-первых, тебя близко не подпустят к границе. Не забывай обо мне. Или ты думаешь, они так замечательно отнесутся к внучке Ершова? Во-вторых, ты – женщина. Девушка, то есть. Но женщина. Какая, к чёртовой матери, внешняя разведка. Уже одни герои имелись. И что? Где они? Я тебя спрашиваю?

– Дед, но ты же патриот. Ты предан Родине. Партии. Нашей стране и правому делу. Я тоже хочу приносить пользу. Хочу бороться с врагом. По-настоящему.

– Вот! – Виктор Николаевич сначала сунул Саше прямо в нос кукиш, а потом вскочил на ноги и принялся нарезать круги по кухне. Учitando, что кухня у них была маленькая, он просто мельтешил перед Сашиними глазами.

– Я уже слышал точно такие же слова. Точно такие же! От твоего отца. И матери, кстати, тоже. Хватит. Ребёнок сиротой вырос.

– Я не сирота. – Саша сидела на табуретке, сбоку стола, и насупившись наблюдала за дедом.

– Да? И где же они? А? Твои родители? Официально, между прочим, сирота. Отец и мать погибли во время туристического похода. В горах. О том, что они живы, кроме нас с

тобой никто и не знает. Ты – сирота.

– Ты знаешь, это не так... Они служат Родине.

– Хватит! Я все сказал. И вообще, ты – девка. Кто тебя возьмет в Школу?

Саша опустила голову. Ей было обидно. Школа, о которой говорил дед, известна очень узкому кругу. Это учебное заведение засекречено. Его ученики носят «школьные» фамилии и пользуются вымышленным биографиями. Но Саша знала об этом заведении все. Естественно, благодаря Виктору Николаевичу. Знала, что появилась Школа Особого Назначения в 1938 году. Что находилась в Балашихе. Что сейчас ее никто не называет прежним образом. Говорят, школа 101 или «Лесная школа».

– Санек... – Дед подошел совсем близко, сел перед ней на корточки, чтоб видеть глаза. – Даже из тех, кто закончил Школу, оказаться в загранкомандировке может далеко не каждый выпускник. Из десяти однокашников твоего отца в нелегальную разведку взяли только шестерых, а остальные ушли на работу в центральный аппарат. Какими критериями руководствуется при отборе начальство, никто не знает. Я могу предположить, что среди этих критериев имеется уровень владения языком, способность к быстрому установлению доверительных отношений с людьми, умение сохранять хладнокровие и самое главное... Мужской пол. Девки не берут, Санек.

– Еще, наличие жены. – Саша с вызовом посмотрела на

деда, – В загранкомандировки отправляют только женатых разведчиков, чтобы исключить возможность провокации со стороны противника.

– Да ты что? И кто же тебя, гражданка Ершова, из этих будущих спасителей Родины возьмет в жены? Ты думаешь, они прямо самостоятельно это решают? У них нет вообще никакой самостоятельности. Ясно? Иначе ты не осталась бы сиротой при живых родителях. Я понимаю, не столько дело в разведке. Дело в твоих родителях. Но... Забудь. Ты – девка. Ты – Ершова. Этим все сказано.

– Ну, дед... Была же Дурова Надежда. Женщина-кавалерист? – Саша попыталась использовать последний заготовленный аргумент.

– Тьфу ты! – Дед в сердцах плюнул прямо на пол, а потом вообще выругался матом. Хотя, при Саше этого почти не делал. – Вот поэтому и не берут баб. У вас в голове – романы о приключениях. Романтическая чушь. Какая, к черту, Дурова?! Эта ненормальная особа изображала из себя мужика больше ста лет назад. Тогда времена были совсем другие. Ты не равняй. Тогда, если что, с Наполеоном воевали на «будьте любезны». Красиво и благородно. Тебе сейчас сколько? Почти пятнадцать. Вот занимайся своим делом. Учись на «отлично».

В тот момент Саша ещё не знала всей правды. И список в ее голову дед еще не вдолбил. Она просто послушно с детства выполняла его указания. Думала в глубине души, будто

он готовит ее к тому, чтоб появилась возможность увидеть родителей, которые для всех считались погибшими. Поэтому вскрывшаяся правда для нее оказалась испытанием. Тяжело, когда все, выстроенные тобой замки рушатся после одного разговора. Особенно в пятнадцать лет. Особенно, когда ты, резко взрослея, понимаешь, что единственная жизнь, которая тебя ждёт, это – бег по кругу.

– Александра Сергеевна... Прием! Слышите меня? Нет?

Саша тряхнула головой, отгоняя воспоминания. Очень не вовремя расчувствовалась.

– Да, Максим Сергеевич. Вы сказали, есть задание.

– Да... вы будто выпали из реальности сейчас. О чем думали? – Беляев смотрел на нее с подозрением.

– Да так... Ерунда. Дед что-то вспомнился. – Саша небрежно махнула рукой.

– А-а-а-а... ну, ладно. Сделаю вид, будто поверил. Так вот. Задание. Вам надо сделать так, чтоб либо Филатова, либо Ведерников узнали о Вашем маленьком расследовании. Но не впрямую. Лучше всего, если Вы, например, с кем-то данный факт обсудите. Типа, посоветоваться. Мол, так и так. Выяснила, Игорь и Нина вместе учились. Странно. Хочу сообщить Беляеву. То есть мне.

– Могли бы не уточнять. Я прекрасно знаю, что Беляев – это Вы.

Максим Сергеевич резко замолчал и посмотрел на Сашу тяжёлым взглядом.

– Вот знаете, Александра Сергеевна, – Высказался, наконец, он, – Характер у Вас, не дай бог. Невыносимый просто. Ладно... В общем, Вы идите на перерыв. Все же ходят обедать в «Полет»?

– Ну, в основном, да. Думаю, сегодня Филатова и Ведерников точно там будут.

– Отлично. А я наведуясь к Лиличке...

– К актрисе? – Саша искренне удивилась. И в то же время вдруг поняла, ей неприятно это слышать. И знать тоже неприятно. Что Максим Сергеевич помчится к своей Кукле. – Вы же ее только вчера прогнали.

– Да... Но тут нарисовался кое-какой вопрос. В общем, я ушел, а Вы давайте, выполняйте задание...

Беляев почти был у выхода из кабинета, когда Саша, сама не понимая, зачем, вдруг ляпнула.

– Не забудьте, она не любит розы. А то явитесь опять с розами. Еще по лицу отхлестает. Нехорошо выйдет. На садовых, конечно, шипы поменьше, но тем не менее.

Максим Сергеевич, который уже взялся за дверную ручку, замер. Несколько секунд стоял, не двигаясь, а потом резко развернулся и в два шага оказался рядом с Сашей.

– Какие розы? Когда? – Он оперся обеими ладонями о столешницу и наклонился вперед.

Глава 6. В которой кто-то кается, а кто-то опять крутит хвостом

Мне кажется еще один очередной выкрутас судьбы и я Максима Сергеевича начну ненавидеть сам. Потому что вопрос один: Какого черта он творил до нашего с ним воссоединения? Только чуть-чуть начинаю въезжать в ситуацию, прилетает новая оплеуха из прошлого. Из его, между прочим прошлого.

В принципе, после разговора с Калининым, хоть что-то стало более-менее понятно. Большая часть сказанного начальником первого отдела была ожидаема и предсказуема.

Когда мы вышли из кабинета, оставив гражданку Комарову изучать личное дело Ведерникова, единственным местом, где можно спокойно поговорить, оказалась улица. Реально. На чертовом заводе некуда было податься. Везде сновали люди. А прятаться мне и Калинин, это уж совсем черт знает что выходит. Можно сказать, чуть ли не главные люди на предприятии. Стремно как-то шептаться в закоулках, будто мы местные бабки-сплетницы. Но и привлекать внимание особо не хотелось. Я вообще перестал верить хоть кому-то в этой прекрасной организации.

Поэтому мы спустились вниз, отошли за елочки. Типа, вышли воздухом подышать, перекурить. Владимир Алексан-

дрович сразу достал пачку сигарет. Разговор явно предстоял не очень приятный. Для него, естественно. Мне-то что. А вот у Калинина руки мелко тряслись, выдавая сильное волнение. Думаю, он сейчас и выпить не против.

– Я Вас слушаю... – Взял предложенную им сигарету, спички. Снова подумал о том, что надо самому обжиться куревом, а то, как дурак, побираюсь. С такими нервами, которых стоит мне эта проверка, одной валерианой не обойдешься. Тем более, деньги имеются. В этот момент вспомнилась пачка купюр, спрятанная в чемодане. Тоже, кстати, вопрос. Откуда, а главное – зачем, мне такая сумма. Очень сомневаюсь, будто обе организации, и официальная работа, и глубоко законспирированная служба, могли выдать столь щедрые командировочные. И там, и там, больше за идею трудятся. Особенно, если говорить про Комитет.

– Максим Сергеевич... – Калинин решил начать, похоже, издалека. – Я понимаю, что не в моей ситуации рассчитывать на поблажки и понимание, но прошу выслушать и не делать скоропалительных выводов. Суть в том, что...

– Володь... Могу же вот так, по-простому? Раз у нас тут намечается откровенный разговор и покаяние. – Перебил я Владимира Александровича.

– Конечно! – Калинин был согласен на все. Даже если бы я его совсем другими словами называл. Матерными. Лишь бы уладить нависающие над его головой проблемы.

– Так вот... Давай сократим момент подготовки почвы,

раскладывания соломки под задницу и все такое. Меня конкретно интересуют два вопроса. Хотя, нет... – Я тут же исправился, вспомнив, что теперь вопросов стало значительно больше. – Давай по порядку. Первое – как ты пропустил в спецгруппу Филатову?

Владимир Александрович машинально скривился. Словно лимон проглотил. Но это была реакция не на меня, слава богу. На себя самого. Он, видимо, сильно сожалел о своей слабости.

– Филатова... За нее просил Мальцев. Она устроилась на завод около двух лет назад. Сначала – табельщицей. Я потом даже удивился. Образование позволяло Нине претендовать на более достойное место. Но пообщавшись пару раз, понял... – Калинин замялся. Видимо, говорить плохо о женщине ему не хотелось. Воспитание не позволяло. Я такими принципами не отягощен. Поэтому продолжил фразу за него.

– Что она непроходимая дура? Можешь называть вещи своими именами. Так... И?

– Потом, спустя какое-то время, Филатова познакомилась с Николаем... То есть с Николаем Ивановичем. У них завязалось... Общение завязалось. Он добился ее перевода к себе в отдел. Сначала на относительно простую работу, связанную с программами для станков. Ну, а потом, когда встал вопрос о спецгруппе, Мальцев и предложил ее кандидатуру Маслову. Лев Иванович – талантливый специалист, но он от

рационального восприятия жизни и ситуации очень далек. Я был против. Несмотря на то, что наша основная работа связана немного с другим, не с оценкой профессиональных качеств сотрудников, все равно... Вот тогда ко мне обратился Николай. Он очень просил не мешать. Сказал, что для Нины – это чрезвычайно важный этап. Что она вообще планирует уехать в Москву...

– Ага... так понимаю, начальник отдела сам уже был не против избавиться от любовницы. – Я затаился, выпустил дым и наблюдал, как он колечками поднимается вверх.

Калинин резко вскинулся при последнем слове. Определение «любовница», видимо, покорило Володю. Какие мы нежные, однако.

– Ой, ну, хватит. Я дурак, по-твоему? Или Мальцев чисто из желания поддержать юные таланты действовал? Так там нет ни таланта, ни юности. Двадцать пять лет ей? По канонам этого... то есть, нашего времени, она – практически старая дева. Причем, дева, которая сильно хочет замуж, я так понимаю. Но не просто замуж, а прямо сразу за генерала.

– За какого генерала? – Калинин подавился дымом от сигареты. Покраснел и несколько минут пытался откашляться. А потом испуганно добавил. – Генералов не было. Мальцев был. А генералов – нет.

– Расслабься, Володь. Выражение такое. Филатова сильно увлеклась своей ролью. Решила, будто слово «любовница» происходит от слова «любовь». Распространенная жен-

ская ошибка. И полезла в семью Мальцева. Верно же? Он не мог тебя в это не посвятить. Однозначно рассказал, что из-за наглой девицы семья трещит по швам. А это очень плохо для начальника отдела. Это для любого плохо, но для него особенно. Жена могла ведь и «телегу» накатать с жалобой на моральный облик мужа. Вернее, на отсутствие этого облика. В таких обстоятельствах, самый лучший вариант для Мальцева – отправить Филатову подальше. На несколько сотен километров – вообще отлично. Ты, как хороший человек, мужик, Мальцева понял. Пошел навстречу. Тем более, Николай Иванович обещал, что проблем не будет в плане выполнения работы. Знаешь что интересно... Филатова – это женский вариант питбуля...

– Кого? – Калинин пытался успевать за ходом моих мыслей.

– Да порода собак. Володь, не на то внимание обращаешь. У них хватка такая, что намертво. Хрен челюсть разожмешь. Не в этом суть. Смотри... Выходит, Филатова хотела свалить из этого города в другой, более приличный. Ей для этого участие в спецпроекте подходило идеально. Задача секретная, конечно. В послужной список детали расписывать никто не будет. Но тем не менее. Потому что, Москва не резиновая и всех подряд ей не надо. Однако, гарантией стопроцентного перевода и переезда, участие в проекте вовсе не является. И тут ей Мальцев помочь не может. Если бы мог, сам бы сидел уже в столице нашей Родины. Соответственно... Пони-

маешь, к чему все идет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.